

Содержание

В хранилище.....	17
------------------	----

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ (1952–1968)

Моя внутренняя битва добра со злом.....	23
---	----

МОЛОДОСТЬ (1969–1975)

Я стану вором.....	53
--------------------	----

ЗРЕЛОСТЬ (1976–2001)

Ле Нуове.....	85
---------------	----

ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ (2001–2003)

Фрагмент первый.....	153
----------------------	-----

Фрагмент второй.....	184
----------------------	-----

Фрагмент третий	192
Фрагмент четвертый	197
Фрагмент пятый	209
Фрагмент шестой	216
Фрагмент седьмой	237
Фрагмент восьмой	241
Фрагмент девятый	246
Фрагмент десятый	259
Фрагмент одиннадцатый	288
Фрагмент последний	294
Арест	297
Следствие	302
Последний день в тюрьме	307
День сегодняшний	312
Послесловие	314
Об авторах	317

Кто-то крадет ради денег, ради власти, ради удовольствий, ведь наворованное можно обменять на пару лишних лет жизни, перепахон с юными красотками, мягкие ковры в отелях, мощные машины, виллы с окнами от пола до потолка, крутые шмотки, яхты, походы по казино, допинг (чтобы ловить кайф по ночам) и бета-блокаторы (чтобы потом прийти в себя).

Кто-то — чтобы обеспечить своим бездарным отпрыскам дорогущее образование, вкладываясь в нафантазированное будущее.

Бывают и идиоты, движимые жаждой славы. Меня все это вообще не интересует. Я воруя совсем по другой причине.

Меня часто спрашивают, каково это — ограбить самое надежное хранилище алмазов в мире. Для меня ответ очевиден: такое чувство, будто я раскрыл некую гнусную тайну, сокрытую от всего человечества.

Ограбление века ничего во мне не изменило. Таков уж я, такова моя сущность, и проявляется она во вполне определенных действиях. Мир в душе может обрести каждый, но многие даже не пытаются. А некоторые пытаются, но лишь попусту растрачивают свои таланты.

Я хотел бы достичь состояния абсолютной гармонии, когда интерес и равнодушие уравновешивают друг друга, а совершенство и несовершенство застывают в прекраснейшей патовой позиции.

«Взломана самая совершенная система безопасности в мире: украденные алмазы стоят более полумиллиарда долларов». Так писали крупнейшие газеты в Европе и за океаном. За сутки эта новость облетела весь мир. Так все и было: в Антверпене в ночь на 16 февраля 2003 года именно я ограбил самое надежное хранилище на планете.

Если хотите, можете назвать это «преступлением тысячелетия» — мне все равно. То, что вы видели в голливудских блокбастерах с Брэдом Питтом или Джорджем Клуни в главных ролях, на Amazon или Netflix, я провернул в реальной жизни.

Свою историю я рассказываю впервые. Когда я сидел в тюрьме, ко мне обращались Джей Джей Абрамс, представители Paramount и Amazon, десятки писателей и тележурналистов. Обо мне написана куча статей, сценариев для кино и сериалов, псевдобιοграфий, ни разу со мной не согласованных, а потому пестрящих неточностями, а то и грубыми ошибками. На самом деле все было по-другому. Некоторые, преувеличивая, называют меня легендой, дескать, я «самый ловкий вор всех времен и народов» и совершил «крупнейшее ограбление за всю историю человечества».

Как ему удалось? Этим вопросом задавались многие, включая бельгийских федералов, полицейских и сотрудников отдела безопасности хранилища. Капельку терпения, я все вам расскажу. Но сперва я объясню, как и почему дошел до этого.

В документах следствия и опубликованных реконструкциях моего преступления чего только не напридумывали. Каким путем мы проникли в хранилище? Федералы до сих пор убеждены, что через гараж. Как же они ошибаются...

Неудачники (и самоучки) по знаниям всегда превосходят человека преуспевающего, ибо тому достаточно преуспевать в чем-нибудь одном, он не тратит время на прочее; а энциклопедичность — признак невезучести. Чем больше вошло кому-то в голову, тем меньше у него вышло в реальной жизни.

УМБЕРТО ЭКО*

* Эко У. Нулевой номер. — М.: АСТ, 2024.

В хранилище

Ночь операции

Антверпен, 15 февраля 2003 года

Темень непроглядная. Словно внутри гигантской черной жвачки. Продвигаюсь мелкими шажками: под землей сила тяжести ощущается по-другому. Стальная дверь хранилища всего в нескольких метрах, мы на месте.

Адреналин проник в каждую клетку моего тела. Сегодня ночью цена любой оплошности — миллионы долларов. Каждое сокращение мышц, каждый вздох, каждая мелочь отразится на будущих поколениях Нотарбартоло: шикарные дома, роскошь, уважение или, наоборот, тюрьма, позор и нищета.

Пытаюсь дышать глубже, но сердце знай себе нагнетает давление и с бешеной скоростью гоняет кровь от аорты к периферическим сосудам и обратно. Контролирую что могу, а своему телу могу только повторять: «Спокойно, спокойно».

У каждого из нас бывает день, когда решается все, — экзамен, к которому мы готовимся всю жизнь.

Мой день настал, и предполагается, что дальше я постепенно отойду от дел. Откажусь от глютенa, буду глотать витамины горстями, вскакивать в туалет по ночам каждые

двадцать минут и предаваться докучной гигиене зубных протезов.

Я хочу насладиться этой ночью по полной программе. Растянуть ее, насколько смогу, записать в хромосомах, запечатлеть в памяти. «Отвалите, черт возьми...» — ворчит Гений, один из членов моей команды. Голос звучит на удивление раскатисто, хотя исходит из чахлого тела ростом с малолитражку и минимальной для мужчины заводской массы в шестьдесят пять килограммов. Но эту скромную фактуру он компенсирует непревзойденным интеллектом.

Впереди еще пять часов напряженной работы по выведению из строя всех датчиков безопасности.

— Снимай огнетушитель, — команду я Монстру. Этим прозвищем он обязан сочетанию невероятных способностей с характером навязчивого брюзги. Монстр начисто лишен эмпатии. Он здесь потому, что не смог вовремя покончить с собой. Эго у него такое, что вполне способно потопить приличных размеров грузовое судно, а занудства хватит, чтобы удержать его на дне морском. Ростом Монстр метр девяносто, но с фигурой не все ладно: от земли до талии тощий, а дальше — будто удав, проглотивший «Смарт». Но сюда мы добрались прежде всего благодаря ему.

У двери в хранилище висит вполне обычный огнетушитель. По крайней мере, таким он был для отдела безопасности. Только на самом деле никакой он не обычный. Да-да, месяц назад его подменили на новый, модифицированный.

Внутри мы разместили ресивер с картой памяти, подключив его к микрокамере, совершенно незаметной, размером с булавочную головку. Она установлена в простенке над дверью люка, и каждый раз, когда охранник набирает

секретный код, открывающий доступ в хранилище, там загорается лампочка.

— Погодите, я карту достану, — бурчит Гений, вынимая ее из нутра огнетушителя и вставляя в портативный компьютер-наладонник.

Если все пойдет по плану, мы обнаружим на ней свежий код доступа, тот самый, что ввел сегодня утром сотрудник службы безопасности.

Мелкими шажками отойдя от люка, мы поднимаемся по лестнице на площадку, куда попадает немного света от дежурной лампы. Гений запускает видео.

— Сработало! Сработало! — а ведь мы до самого конца не были уверены, что получится.

Гений с Монстром бросаются обниматься. Мы пытаемся заглянуть друг другу в глаза, но в этом неверном свете, искаженном угловатыми тенями, все кажется полумертвым.

Монстр смеется, но такое с ним случается и от радости, и от крайнего напряжения. Пойди пойми, чем вызван этот смех.

Ключник, наш мастер по вскрытию замков, ликует. Это видно по его движениям, хотя он, как обычно, молчит. Мудрость пришла к нему как с возрастом (далеко за шестьдесят), так и с практическим опытом. Он взял больничный, сославшись на почечную недостаточность, рискует зарплатой, но надо же как-то содержать девяностолетнюю мать, живущую в доме престарелых, дочь и безработную подругу. Говорит, в молодости переспал с кучей всяких актрис и моделей, но я так и не понял, чем он их цеплял. Уверен, в эту самую минуту Ключник счастлив. Хотя темные круги под ввалившимися глазами наводят на мысль, что он повидал в жизни слишком много жестокости — поэтому даже эту радость не может испытать сполна.

Гений, самый горячий и самый молодой из нас, облегченно фыркает, мощным выдохом выпуская из легких скопившуюся там тревогу.

Прокручиваем видео на утроенной скорости до того момента, как вошедший сотрудник службы безопасности начинает набирать секретный код. Цифры видны прекрасно, изображение идеальное, никакого зерна. Свет от лампочки помогает микрокамере поймать фокус.

— Сейчас, сейчас... — шепчет Гений. Но всего пара секунд — и он разражается проклятиями: правая рука охранника закрыла две последние цифры кода. — Черт, мы в жопе...

В этот момент все замирает. Воздух отсыревшим кляпом забивает горло. Перед глазами проносятся сотни идеально четких стоп-кадров моей жизни: решения, развилки, ошибки. И я впервые осознаю, что есть лишь одна причина, по которой пятидесятилетний Леонардо очутился здесь, в самом надежном хранилище мира: он обещал это Леонардо девятилетнему.

Д е т с т в о
И Ю Н О С Т Ъ

1952-1968

Моя внутренняя битва добра со злом

Ненавижу воровство

1956–1962 гг. (с четырех до десяти лет)

Хотел бы я быть таким же легкомысленным, как мои сверстники. Не обращать внимания на некоторые детали. Но я их замечаю и запоминаю. Детские игры мне больше не интересны.

В возрасте четырех лет и десяти месяцев я обнаруживаю в себе не по годам развитый талант, некую сверхспособность. Я имею в виду не супергеройские штучки из комиксов Marvel, не умение летать или одним взглядом взрывать цистерну с бензином — ничего подобного.

Просто я понимаю, что мой мозг обрабатывает информацию на совершенно иных скоростях, чем у других людей. У меня фотографическая память: достаточно пару секунд поглядеть на картинку, чтобы ее запомнить. В шесть месяцев, когда обычные малыши лишь односложно лепечут, я уже говорил и при этом выговаривал слова полностью. Мама рассказывала, будто я даже какие-то фразочки в ее адрес отпускал. Сейчас я уже осознаю значение сложных понятий, моим ровесникам пока недоступных. Вижу то, чего другие

не видят. Извожу родителей бесконечными вопросами, и чем старше становлюсь, тем чаще пытаю их раскаленной кочергой своего назойливого любопытства.

Я считаю это своего рода болезнью, неким умственным отклонением. Лет до десяти я абсолютно в этом убежден, но ни с кем не обсуждаю, потому что боюсь, что меня упекут в больницу.

Мне шесть, и мы переезжаем из Палермо в Турин, затем в Модену, снова в Турин. В этом хаосе, со всеми этими чемоданами и перегонами, я теряю какие-то душевные шестеренки: три года подряд просиживаю в первом классе.

Это не моя вина, очевидно же, что остальным плевать на то, что я думаю и говорю. Так что я молчу.

«Ни ума, ни таланта», — твердят мне. Я слышу это постоянно, и в школе, и вне ее, поэтому в голову начинают закрадываться определенные мысли. Если ты, сын испошника с Юга, подавшегося водить грузовики, оказываешься в большом городе на Севере, где непрерывно слышишь «Южанам здесь не место», — через некоторое время и сам решишь, что не уродился.

Чтобы было понятно: я трижды отучился в первом классе, потому что документы из Палермо не переслали в Турин, и моей вины в том не было. Но изменить ничего нельзя: кажется, что я навечно обречен маяться с малышкой.

Кончается тем, что я замыкаюсь в себе, демонстрируя окружающим выборочную немоту. Мое тело меняется, я взрослею, начинаю думать о девушках, сексе, тысячах других тем, но поговорить ни с кем не могу. В школе — бесконечное повторение таблицы умножения и ничего больше. Окружающие взрослые считают, будто знают меня как облупленного, и глядят этак сверху вниз, с выражением духовного

превосходства. Ханжи с прилизанными волосами и идеальными проборами. При близком рассмотрении эти проборы смахивают на борозды, какие оставляют грабли в конском навозе. Все на одно лицо, одной породы: учитель, директор школы, сначала в Турине, потом в Модене, священник из церкви Сант-Антонио.

Ежедневные унижения, на которые я никак не реагирую. Ни кулаками, ни словами. Раз, другой, пока наконец мой тумблер самооценки, и без того барахливший, не ломается окончательно.

Как появились мои десять заповедей 1957 год (пять лет)

Оглядываясь назад, я могу воссоздать в памяти каждый эпизод своей жизни, каждый кусочек мозаики, составляющий мое бытие, в мельчайших подробностях. Уже во взрослом возрасте я сформулировал десять заповедей — интуитивных правил, служивших мне ориентирами при принятии любого решения. Операция в Антверпене — результат применения этих правил. Принятые решения формировали мой характер, а главное — мои навыки. И все они связаны с какими-то событиями детства или юности: крохотными, незначительными развилками, которым я не придавал особого значения. А напрасно. Не знаю, может, это проявление «эффекта бабочки», но каждое действие, совершенное мною в прошлом, привело к какому-то определенному событию в настоящем. Какой бы путь я в детстве ни выбирал, тот выбор неведомым образом влиял на мое будущее. По сути, я закладывал прочный фундамент, на котором строились все мои решения

вплоть до самой кульминации — антверпенского подземного хранилища.

Моя личность — это сплав подавленных инстинктов, а также целый набор сломленных жизнью типажей, устаревших гороскопов и мифических неудач. Инстинкты заражены радиацией, а ядро рассеяно по всему дырявому подсознанию. Но в какой-то момент все вдруг прояснилось. Я ампутировал ложные личины, обрезал сломанные побег, зачистил наждачной бумагой неровности — и стал самим собой. Каждая частичка моего прошлого внесла свой вклад в эту работу. Необходимое усилие, которого многие избегают. Куда легче вообще не пытаться найти себя, ведь это может плохо кончиться. Куда проще не раскидывать мозгами, а попросту прикрыть дефекты и нестыковки простышкой и жить как живется.

Пяти лет маловато, чтобы начать хоть немного разбираться в жизни. Я всего боюсь. Отец меня не понимает, более того, ничегошеньки обо мне не знает, я же с ним не разговариваю. Вернее, это он со мной не разговаривает. С мамой отношения тоже прохладные — в конце концов, я ведь вырос с дедом, он мне вместо отца. Характеры у родителей — лед и пламень. Отец — молчаливый и холодный, как асбестовая плита. Мама — восторженная и переменчивая, как флюгер на ветру. Она ничего не боится, а вот его я так и не раскусил: думаю, слабости свои он скрывает, как и другие люди. Мама забеременела мной в шестнадцать, никогда нигде не училась, всегда была домохозяйкой. Отец — исполщик у местного графа, ухаживает за лозой, за скотиной. Чтобы расквитаться с долгами и арендной платой, пропадает в полях от зари до поздней ночи, и я его почти не вижу.

Когда мы переезжаем в Турин, он находит новую работу: водит автовоз — двухэтажный грузовик, груженный

«фиатами», уходит в шесть утра и возвращается в десять вечера. Я этому не рад, ведь его проклятое молчание сильно осложняет мою юность. Хочется проводить вместе больше времени, разговаривать, играть.

Тем не менее на каком-то этапе своего детства я понял, что некоторые виды страдания могут приносить пользу. Боль предшествует возникновению куда более сильной эмоции — жажды отмщения. С этого ключевого момента для меня все и началось, сформировалась первая из десяти моих личных заповедей: никогда не лги себе.

Почему все изменилось 1957 год

Может, это случилось потому, что я хотел счастья для всех. Или потому, что таким, как я, закон не указ. Или просто потому, что это должно было случиться. Мне пять лет, и, похоже, стоит рассказать, как я в таком возрасте ухитрился заполучить кучу денег.

Я, как обычно, выхожу из дома поиграть. В этот час на улице никого, только кошки и пыль, жара такая, что мозги спекаются. Решаю пойти к Пьетро, моему лучшему другу. Тот факт, что он живет по соседству, бесспорно, помог ему занять в рейтинге моих приятелей местечко повыше. У соседей трое детей, с двумя старшими я не лажу, а с третьим, Пьетро, мы ровесники. С самого рождения друг друга знаем, целыми днями вместе. Доходим до самого конца улицы, туда, где поилка для скота, играем в жмурки, в жулики-сыщики, в прятки, в фантики, в «Море волнуется раз». Но не сегодня, определено не сегодня.

Как обычно, иду по дорожке к его дому. О моем приходе возвещает шорох гравия. Переступив порог, зову Пьетро. Ответа нет. Поднимаюсь на второй этаж. Странно, обычно они дома. Зову снова, на этот раз чуть тише. Мне почему-то не хочется, чтобы меня услышали. Подхожу к спальне Гаспаре, их управляющего, приоткрываю дверь и вижу, что он спит. Пьетро и остальные тоже спят, жара же, а после обеда вечно клонит в сон, особенно если обжираться, как эта семейка.

Тут в голове что-то щелкает, и меня охватывает дрожь. Мозг начинает работать сам по себе, следуя какому-то плану, который я ни с кем не обсуждал. Я принимаюсь выдвигать ящички комода, пробираюсь в гостиную, в ванную, на кухню. Наконец нахожу среди стопок белья Гаспаре банкноту в пять тысяч лир. Первый раз такую вижу. Отцу столько и за пару месяцев не заработать. Или лет. Или вообще никогда. Хотя, может, я и преувеличиваю. Я ведь не до конца понимаю, чего стоит эта бумажка.

Сжимаю ее в руке. Голова начинает кружиться, поэтому я сую бумажку в карман — и наутек. Несусь, почти лечу над гравийной дорожкой, словно тряпичный заяц-приманка на собачьих бегах. Едва сдерживая крик, мчусь, мчусь вглубь квартала, между прокаленных солнцем каменных оград, вдоль водосточных канав. Сердце бьется, как колибри в кошачьем логове.

Заскакиваю в кафе в самом центре, потом в кондитерскую. По пути пускаю слух, будто собираюсь угостить каждого встречного пирожными и мороженым. Так будет правильно, мне эти деньги не нужны, я просто хочу разделить свою радость с другими. Кондитер говорит, что сдачи с пяти

тысяч у него нет, и вообще, откуда столько денег? И давай сыпать вопросами, один за другим. Чертова уйма вопросов.

— Откуда у тебя эта банкнота? Кто тебе ее дал?

— Дядя, — выпаливаю я, не раздумывая. Сразу понимаю, что ответ не из лучших. Мой дядя живет в Модене и работает на шинном заводе, он не из тех, кто будет сорить деньгами. Но я стою на своем. — Он мне ее на день рождения подарил.

Слух между тем разлетается. Ребятишки с окрестных улиц рассказывают всем подряд, что моя семья внезапно разбогатела. И я вдруг замечаю нечто странное: все пытаются заглянуть мне в глаза. Подходят поближе, чтобы установить зрительный контакт. Задаются вопросом, что же изменилось, почему это они раньше не замечали столь завидного финансового положения моей семьи. А дети смотрят так... я потом только раз видел у людей такой взгляд, несколько лет спустя. В день высадки Армстронга на Луну. Для них я сейчас, по крайней мере до ужина, тоже в некотором роде космонавт. Приятели жмутся ко мне, обнимают. Другие, кого я не знаю, подходят знакомиться. В рот мне заглядывают, хотя я даже рукой не машу, чтобы их внимание привлечь. Смеются над всем, что я говорю, хоть я и не шучу вовсе.

Поначалу мне это нравится, но потом, поразмыслив, я понимаю, что от них одна морока. Приятное изумление, ошеломление длится полдня. Потом запахок ленивого самодовольства выветривается, и мой разум проясняется. Меня посещает не детская хотелка, а осознанное желание: раз и навсегда распрощаться с теми, кто слетелся, словно стервятники к труп, предвкушая безудержное пиршество. Да, они пришли по моему зову, но в стервятников превратились сами, за считанные минуты.

В каком-то смысле заводить таких друзей — все равно что венерическую болезнь подцепить.

Эти люди не моего общества ищут, не радостной улыбки: их пожирает первобытный инстинкт. Им нужен не я, а возможности, которые я могу предложить, водопад косвенных выгод. Они — всего лишь рой мошкары, привлеченный моей погоней за удачей и оставивший грязную мазню на лобовом стекле. За какой такой удачей? В их тупых башках я представляюсь лазейкой, ведущей к маленьким привилегиям. У взрослых мне видится иное. В затянутых катарактой глазах какого-нибудь старика в баре, играющего в буррако*, я читаю осуждение и досаду, что сам он первым не додумался до бизнес-идеи, сделавшей нас богачами. Даже если он понятия не имеет, в чем там дело, потому что и бизнеса-то никакого нет. Ненавижу этих мерзавцев и мелочные трепыхания их душ. Настроение мое совершенно меняется.

Тот опыт помог мне сформулировать первое (в хронологическом смысле) правило из тех, что потом стали моими личными заповедями. Сегодня, хорошенько все взвесив, я считаю его неперменным и определяющим, важнейшим в моей этической иерархии, началом и концом круга. Кража позволила мне понять главное — где искать правду.

Я не меняюсь, я остаюсь собой. Но после той моей кражи — и прочих, будущих — неизменно меняются окружающие меня люди. Льстивые фразы передаются из уст в уста, и на своем пути я постоянно слышу едва различимый шум, своего рода мелодию, в которой звучат слова почтения, заигрывания,

* Буррако — итальянская карточная игра пара на пару, популярная с 1940-х годов. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*